

УДК 801.54+801.55

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Д.Р. Колосов

Аннотация

Процесс словообразования представляет собой непрерывный процесс трансформации. Все виды деривации приводят к регулярному переходу слов из одной категории в другую (что детально описано применительно к морфемному словообразованию). В статье описываются такие же механизмы в семантическом словообразовании, определяется разница между существительным и наречием, между прилагательным и причастием.

Классификация частей речи в русском языке традиционно содержит большое количество несоответствий и несистемных параметров. Первые опыты описания фактов собственно русской речи делались на основе иностранных грамматик, при этом некоторые схемы и представления механистически переносились на стихию русской речи, что вело к появлению противоречий и корректив разного рода. Наиболее «страдающей» в этом отношении оказалась система частеречных оппозиций.

История формирования «современной» частеречной системы русского языка состоит в устранении ошибок, допущенных в этой области в более ранние периоды.

Наибольшие проблемы в современную эпоху вызывают такие проблемы частеречного распределения, как различение наречия и омонимичных ему конструктов, различение местоименного наречия и местоимения, наконец, статус причастия и деепричастия, причем в рамках этой проблемы выделяется такой нюанс, как существование омонимичных причастий и прилагательных.

Данная работа имеет целью вынести на обсуждение некоторые наблюдения историко-лингвистического и деривационного характера, которые, вероятно, смогут облегчить решение проблем с частеречным статусом той или иной единицы современного русского языка.

Представляя часть речи как общность синтаксических, морфологических и семантических свойств и как объект типологического анализа, мы вынуждены признать, что ни одно из свойств синтаксического, морфологического или семантического плана не может быть признано единственным «формирующим часть речи», но часть речи создается именно комплексом характеристик, относящихся к различным уровням языковой системы и зачастую требующих рассмотрения с позиций принципа дифференциальности [Засорина 1974: 67]. В этом заключается сходство грамматической типологии с типологией лексиче-

ских значений. И, полагаем, именно это сходство дало основания, например, Ю.М. Скребневу видеть в различии частей речи различие лексических разрядов.

Мы обнаруживаем, что для большинства частей речи структурно-семантические их свойства объективно реализуются на «прикладных» уровнях – в плане закрепленности за частью речи той или иной орфографической модели. Причем эта составляющая представления о части речи оказывается наиболее непоследовательно выраженной в тех случаях, когда становление категории или части речи еще не завершилось [Марков 1992: 113–114].

Так, тенденция слитного написания русских наречий сейчас очевидна и в не меньшей степени влияет на наше представление об этой части речи, чем синтаксическая «наречная» функция или, скажем, семантические особенности наречия. При рассмотрении наречий с точки зрения их происхождения обнаруживаем, что в истории русского языкознания произошло переосмысление моделей образования наречий: генетически соотносительные с именами существительными наречия типа *добро, зло, напропалую, вслепую* и так далее сейчас соотносятся с однокорневыми прилагательными, автоматически противопоставляясь наречиям типа *без устали, до упаду*, где отсубстантивная природа образования сомнений не вызывает [Марков 1992: 14–15]. Но переосмысление отношений чисто словообразовательных приводит к появлению рядом с древними формами форм современных, чья соотнесенность уже именно с прилагательным также несомненна. Параллельно морфемно образованным наречиям всех моделей существуют наречия, появившиеся семантическим способом на базе застывших форм изменяемых частей речи (*зимой, вечером, летом* и так далее) [Марков 1984: 5–10].

Современное состояние языка представляет нам совокупность различно образованных единиц, объединяемых в пределах одной части речи и вступающих в оппозитивные отношения с несколькими разными частями речи или синтаксическими конструктами, в частности – наречие/местоимение.

Очевидный параллелизм древнейших моделей образования наречий и местоимений: СЬ КОЛИКО = СКОЛЬКО, СЬ ДЕСЬ = ЗДЕСЬ и так далее создает предпосылки для контаминации соответствующих форм и приводит к неразличению в ряде случаев наречий местоименного типа и местоимений.

Последовательное «вскрытие» и описание отдельных словообразовательных моделей с учетом типологических и семантических их свойств для современных наречий во многом облегчили бы труд исследователя и учителя-словесника.

Например, дискуссионный вопрос о частеречном статусе форм типа *где, куда, нигде, некуда* и подобных решается достаточно просто, если данные образования обстоятельственной семантики рассматривать не в отрыве от всего корпуса «разномастных» образований, а с учетом его общей семантической и орфографической специфики. Действительно, не называя конкретного «места» (или «направления», или «причины» и так далее), данные формы сближаются с неопределенными и отрицательными местоимениями типа *никакой, никто, нисколько*, что, впрочем, не должно служить основанием для определения данных форм как местоимений. Обратим внимание на узкий орфографический

момент: будучи неизменяемыми, наши формы оказываются вне такой характерной орфографической черты отрицательных и неопределенных местоимений, как возникновение раздельного написания с НЕ в предложном сочетании (*ни у кого, ни за сколько*). Соответственно, формы *нигде, негде* и подобные вступают в аналогический ряд с формой *незачем* и прочими и оказываются наречиями, противопоставляясь ассоциированным местоимениям. Напомним, что функция единицы предполагает иерархию, определяющуюся в том числе и во внешнем (орфографическом) облике.

В рамках общей намеченной тенденции связи слитного написания с наречной семантикой обнаруживают себя такие орфографические ошибки, как слитное написание формы *нивкакую* в контекстах, передающих просторечие, типа *Мы уговаривать – он ни в какую!* Очевидно, что для создателя ошибочного написания форма определена как наречие, то есть неизменяемый семантический дериват от соответствующей местоименно-предложной конструкции.

Не менее выразительным оказывается рассмотрение в комплексе явлений, определяющих частеречную природу формы, орфографического аспекта в актах семантического словообразования, «переводящих» причастие в прилагательное.

Что происходит в тот момент, когда человек, носитель языка, начинает воспринимать давно известное ему слово «по-новому», в ином статусе? Большинство исследователей полагает, что слово переходит из одной части речи в другую. Но налицо явное противоречие: обычно после «перехода» исходная форма (исходная часть речи) продолжает функционировать в языке, то есть с учетом вновь «перешедшей» формы (части речи) обнаруживаем два самостоятельных слова? Поэтому мы полагаем, что в данной ситуации нельзя говорить о каком-либо «переходе». Перед нами новое слово, образованное без участия материально выраженного показателя.

«Семантическое словообразование, как известно, осуществляется путём включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы» [Марков 1984: 9]. Несомненно, в тот момент, как только произошло переосмысление, перед нами – отдельное слово, несмотря на то, что связи со словом-производителем могут быть очень тесными: «...пока любое вновь образованное слово не отстоялось в своей изолированности, пока оно не испытало того, что принято называть деэтимологизацией, оно находится в очевидной семантической связи со словом-основой, будучи при этом отдельным, самостоятельным словом» [Марков 1984: 10].

Слово, образованное семантически, должно пережить, по словам профессора Маркова, «стадию окказиональности», после которой последует постановка его в иной лексический разряд. И естественно, что единицу, получившуюся в результате семантического словообразования, нельзя классифицировать как некую модификацию производящего.

В языке «стадия окказиональности» обнаруживается не только на уровне лексического значения, но и на грамматическом уровне, рождая возможность для появления контаминированных образований с точки зрения их грамматического статуса.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры.

«В тех случаях, когда причастие представляет действие как признак, свойство, в его отвлечении от временной приуроченности, создаются условия для развития у причастий адъективных значений, то есть значений, характерных для отглагольных прилагательных. <...> Развитие у причастий адъективных значений **не** выводит их за пределы глагольных форм, **не** переводит их в класс прилагательных, поскольку эти адъективные значения сохраняют соотносительность с временными, видовыми, залоговыми значениями соответствующих причастий. В рамках причастий с адъективными значениями могут развиваться новые (качественные) лексические значения» [Грамматика-80, § 1579].

Итак, сам процесс «развития значения» указан верно, но авторы Грамматики ни в коем случае не допускают образования от причастной формы семантического деривата, предлагая считать причастием даже такие слова, которые с категориальным значением данной части речи уже не имеют явных связей. А если считать, что причастие есть форма глагола, то перед нами – часть глагольной парадигмы! Как легко заметить, если статус слова с «качественным» лексическим значением определять как статус имени прилагательного, образованного от причастия, то данное противоречие исчезает само собой. А утрата формой непосредственной глагольной мотивации и, следовательно, семантических связей с исходным производящим глаголом мыслится в этом случае как словообразовательное средство.

Что касается «причастий с адъективным значением», то здесь речь идёт о тех образованиях, которые занимают грамматически промежуточную позицию. Приведём примеры некоторых из них в таблице.

Синонимичные придаточные предложения	«Срединные» единицы	Прилагательные- синонимы	Глагол, от которого образовано «первичное» причастие
Волосы, которые вьются	<i>Вьющиеся волосы</i>	Кудрявые	Виться (несоверш.)
Вещества, кото- рые отравляют	<i>Отравляющие вещества</i>	Ядовитые	Отравлять (несоверш.)
Зрелище, которое волнует	<i>Волнующее зрелище</i>	Необыкновенное	Волновать (несоверш.)

Обратим внимание на то, что у всех подобных образований достаточно ограниченная сочетаемость: в основном, определяемое слово можно заменить только одним из гипонимов. Это говорит прежде всего о том, что толчок к отпочкованию подобных контаминированных образований даётся тогда, когда носители языка начинают воспринимать такие выражения если не в качестве идиоматичных, то, по крайней мере, устойчивых.

Как на элементарном уровне предлагают различать причастие и прилагательное? Если можно заменить придаточным предложением или же оборотом в постпозиции относительно определяемого слова, то перед нами – причастие; если синонимичным прилагательным (или, например, антонимичным), то это –

прилагательное. Но к какой части речи следует относить форму, которую одновременно можно заменить и тем и другим?

С семантической стороны возможность такой двоякой замены означает, что перед нами форма, значение времени и залоговая корреляция в которой стёрлись ровно настолько, насколько обнаружило себя значение качества. На наш взгляд, было бы логичнее относить подобные образования к причастиям, поскольку 1) значение признака присутствует и у причастий и у прилагательных, а корреляция с семантикой actionis – только у причастия; 2) вместо этих форм в предложении может выступать глагол, что недопустимо, если речь идёт о прилагательном.

Какие условия необходимы для возникновения возможности образования прилагательного от причастия?

1. Утрата причастной формой или, по крайней мере, ослабление у неё свойств прилагательного, а именно: категории времени; влияния категории вида и категории переходности/непереходности производящего глагола; категории залога.

2. Смена лексического значения производящего причастия. На первый план постепенно выходит значение статичного, постоянного качества.

3. Отсутствие пояснительных слов, усиливающих глагольную природу причастия.

4. С этим положением связано последнее условие: причастный оборот, как правило, стоит после определяемого слова, но, чтобы появилась возможность образования прилагательного, причастие должно предварять определяемое слово. Это пунктуационный аспект выделения части речи.

Естественно, что семантический дериват может образоваться и без соблюдения всех четырёх условий, но выполнение первых двух обязательно, так как без утраты «глагольности» причастия прилагательное не сможет возникнуть, а без постановки слова в иной лексический разряд – невозможно само семантическое словообразование (см. Марков, 1984).

Но посмотрим, что происходит, когда третье и четвёртое условия не соблюдаются. Обратимся к такому контексту: Нетронуты ни в прозе ни в стихах, взятому из произведения Джона Мильтона «Потерянный рай» (перевод А. Штейнберга). Словообразовательная цепь выглядит так:

глагол тронуть со значением прикоснуться, задеть

1 (морфологически ? суффикс -т-)

причастие тронутый (тот, кого тронули)

2 (семантически)

прилагательное нетронутый (целый, новый, неизвестный).

Как видим, «причастность» поддерживается здесь зависимыми словами и тем, что в контексте выступает краткая форма, хотя данную единицу нельзя заменить тождественным придаточным предложением (то, что не тронули). Можно подобрать лишь описательную придаточную конструкцию: то, о чём ещё не упомянули ни в прозе ни в стихах, то есть в данном контексте образование нетронуты оказывается синонимичным образованию не затронуты (или не упомянуты). Подчеркнём: оказывается синонимичным причастным формам.

В то же время слово написано слитно с не и вполне может быть заменено синонимичным именем прилагательным: например, неизвестны ни в прозе ни в стихах. Таким образом, сказывается на частеречной принадлежности формы и упомянутый выше орфографический параметр.

Отсюда возникает затруднение при отнесении данной единицы к той или иной части речи. Но можно заметить, что грамматические значения категорий времени и залога, свойственные собственно причастной форме, здесь уже практически утратились.

Обратимся к еще одному примеру: Тема, ещё почти незатронутая в литературе русского сентиментализма (См.: Кочеткова «Литература русского сентиментализма»). Словообразовательная цепочка для прилагательного незатронутый будет следующей:

глагол тронуть со значением прикасаться, задевать

1 (морфологически ? приставка за-)

глагол затронуть с более конкретным значением (неполнота действия)

2 (морфологически ? суффикс -т-)

причастие затронутый (то, что затронули)

3 (семантически)

прилагательное незатронутый (цельный, новый, непочатый).

В слове незатронутый (по сравнению с нетронутый), во-первых, глагольность проявляется ярче за счёт приставки за-, конкретизирующей значение действия и, во-вторых, форма затронутый может функционировать в языке и без не, в отличие от тронутый.

Но в целом отнесение единицы из данного контекста к той или иной части речи затрудняется теми же причинами, что и в первом примере. Попробуем заменить второй контекст придаточным предложением и синонимичным прилагательным: Тема, которую ещё не затронули в литературе русского сентиментализма и Тема, ещё новая для русского сентиментализма (или ещё неизвестная русскому сентиментализму). Как видим, в принципе, замены возможны.

Факт, что наравне с обсуждаемыми промежуточными формами функционируют и омонимичные им причастия, а также имена прилагательные с собственно адъективным значением целый, непочатый, новый, говорит о том, что в данном случае наличествует уже конечная стадия семантического процесса – прилагательное, образованное от причастия. Таким образом, язык зафиксировал определённый момент в процессе «количественного накопления ассоциаций».

Возникает закономерный вопрос: к какой части речи ближе подобные образования? И ответ на него принципиален, поскольку от адекватного восприятия данных единиц зависит как стройность грамматической системы, так и их (единиц) правописание. На наш взгляд, приведённые выше написания следует считать абсолютно верными, раз мы не видим на данном этапе развития языка яркой связи с глагольными характеристиками, а можем её обнаружить, лишь прибегая к разного рода лингвистическим изыскам. Следовательно, происходит «перераспределение» процесса и качества, очевидно, в пользу последнего, на базе чего и образуется новая единица – новое, самостоятельное имя прилагательное, хотя и

являющееся лишь промежуточным звеном на пути отпочкования от причастной формы прилагательного уже с чисто качественным значением.

Следующие примеры (далее – примеры 3 и 4) более сложны: они включают образования с суффиксом -енн-: Всё ненарушенным остался б ваш покой и Оказались неподготовленными к ней. Как считают авторы Академической грамматики, подобные формы вообще «не поддаются чёткой дифференциации» [Грамматика-80, § 1579], то есть весьма трудно определить, что же перед нами – страдательное причастие или отглагольное имя прилагательное, не говоря уже о контаминированной единице.

С формальной точки зрения наличие зависимых слов при подобных образованиях лишь усиливает неразбериху с определением частеречной принадлежности, а при неверной трактовке страдает, прежде всего, орфография. Но при более детальном грамматическом анализе данных форм мы в конце концов приходим к выводу, что единицы из контекстов № 3 и № 4 обозначают качество определяемого ими понятия, а не процессуальный признак. Заметим, они входят в состав именного сказуемого и сочетаются с глаголами-связками (остаться, оказаться и т. п.), которые и указывают на то или иное время (прошедшее, настоящее или будущее), так что сами интересующие нас образования несут лишь лексическую нагрузку, определяя предмет с точки зрения тех свойств, которыми он обладает.

Обратившись непосредственно к примеру № 3, увидим, что, для того чтобы ненарушенный однозначно можно было классифицировать в качестве причастия, оно должно находиться в составе причастного оборота, – как только подобное образование выступает в составе сказуемого, оно теряет свою «природную» процессуальность, всемерно уподобляясь имени прилагательному. Но всё же «чистого» прилагательного ненарушенный не существует, поскольку значение действия (то, что не нарушили) так или иначе даёт о себе знать.

Контекст № 4 также очень интересен, но ситуация здесь осложняется ещё и тем, что уже наличествует конечный семантический дериват. Глагол оказаться явно требует после себя какую-то единицу, выражающую качество, статичное, абсолютное. Таковой единицей в данном контексте и является неподготовленные.

А теперь обратим внимание на так называемые **метафорические** промежуточные образования: разбитая мечта, отравленные метафоры, развращённая идеология, ущемлённое сердце. Очевидно, именно эта метафоричность и затрудняет отнесение их либо к причастиям, либо к прилагательным, поскольку само лексическое значение каждой единицы оказывается «затемнённым», мы осознаём его лишь на основе целого ряда ассоциаций, образов (набор которых индивидуален для каждого человека), но не руководствуемся логикой чёткого словарного определения.

Выделим те обобщённые значения, которыми обладают причастия-омонимы, с одной стороны, и прилагательные, от них образованные – с другой. Причастие указывает на действие, которому некогда подвергся тот или иной предмет, например: разбитый флакон – это флакон, который разбили, отравленный человек – человек, которого отравили, развращённая девушка – девушка, которую развратили, ущемлённый палец – палец, который ущемили. А прилага-

тельное указывает на то, каким качеством обладает предмет: разбитый человек – грустный, отравленное существование – невыносимое и т. п. Причём не трудно заметить, что прилагательные тоже заключают в себе некие метафорические значения, но, в отличие от значений контаминированных единиц, их вполне можно заменить синонимами, что само по себе говорит уже о некоей кристаллизации семантики прилагательных.

Особняком стоят такие образования, как скрещенные руки. Почему же мы их вообще считаем промежуточными единицами? Потому, что скрещенные руки – это не просто руки, которые скрестили, а руки, уже обладающие каким-то собственным признаком, хотя, несомненно, некогда и явившимся результатом произведённого действия (о чём свидетельствует и тот факт, что скрещенные нельзя заменить синонимичным именем прилагательным).

Таким образом, вырисовывается следующая картина:

1. Перехода слова из одной части речи в другую не существует – перед нами продукты семантического словообразования. И, прежде чем произойдёт акт безморфемной деривации, должно произойти накопление ассоциаций, с помощью которого и осуществится постанковка данной единицы в иной лексический разряд. Любое слово на любом этапе процесса является самостоятельной единицей, определённой ступенью деривации, то есть омонимом к производящему его причастию и(или) к прилагательному.

2. Так называемая «грамматическая стадия окказиональности» обнаруживается только в контексте.

3. Исходные причастные формы обладают большей абстракцией по сравнению со своими семантическими дериватами.

4. Все промежуточные единицы (уже не причастия, но ещё и не прилагательные) можно сгруппировать по следующим типам:

1. «срединные» образования: замены придаточным предложением и прилагательным-синонимом абсолютно эквивалентны (отравляющие вещества);

2. промежуточные метафорические образования, наравне с которыми существуют и производящие их причастия и прилагательные-омонимы (ущемлённое сердце);

3. промежуточные образования, наравне с которыми также существуют как омонимичные причастия, так и омонимичные имена прилагательные, их «промежуточность» является результатом наличия в контексте грамматических ограничений, усиливающих глагольность единицы (нетронуты ни в прозе ни в стихах);

4. формы, которые по своему значению уже отличаются от причастий, но окончательного качественного «скачка» ещё не претерпели (сложенные руки).

При написании контаминированной единицы нужно исходить из грамматической семантики и собственно лексического значения имеющегося образования.

Таким образом, мы возвращаемся к заявленному в начале работы тезису о необходимости комплексного подхода к выделению части речи, учитывающего

как собственно семантические и типологические характеристики части речи, так и свойства последней, располагающиеся на «прикладных» уровнях науки о языке.

Summary

D.R. Kopusov. Notes on the distinction of word-categories.

Word-formation is a perpetual process of transformation. All modes of such derivation result in regular transformation from one word-category to another (as it is described well enough for morphemic word-formation). This article describes adequate mechanics in semantic word-formation, determining the difference between the pronoun and the adverb, between the adjective and the participle.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.-Л., 1947. – 390 с.
2. Грамматика-80. Академическая грамматика русского языка. – М., 1980. – Т. I. – 783 с.
3. *Засорина Л.Н.* Введение в структурную лингвистику. – М., 1974. – 319 с.
4. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. – М., 1978. – 544 с.
5. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка (именное склонение). – Ижевск, 1992. – 145 с.
6. *Марков В.М.* О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. – Ижевск, 1984. – С. 3–12.

Поступила в редакцию
16.02.05

Копосов Даниил Робертович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.
E-mail: *Daniel.Kopusov@ksu.ru*